

Культура —
1998 — 12 — 18
нояб.
с. 15

В конце 80-х он объехал весь Союз...

Рассказ о художнике, который украшает метро

Долгое время усиленные наряды полиции на станции метро "Бельяс артес" мексиканской столицы не внушали благоговейного трепета ловким воришкам и мелким нарушителям закона столичной "подземки". Блюстителям порядка было не до того: они исправно следили за рождением нового художественного шедевра — подарка французского президента Жака Ширака мексиканскому народу.

...Мазок, еще мазок. Спуск по наспех сколоченным ступенькам, чтобы обмакнуть кисть в краску. Затем — обратный путь вверх по лестнице: нанести новый штрих, отойти в сторону, опять штрих. На огромном полотнище в 22 метра длиной и почти 2 метра высотой появлялись первые, еще нечеткие контуры парижской Триумфальной арки — такой, какой представил ее себе мексиканский художник Родольфо Моралес из южного города Оахака. Живописец легко передвигался по импровизированной лестнице вверх-вниз, сбросив с себя нелегкий груз 73 лет. По заказу французского правительства писал сценки из жизни Франции, писал так, как он их себе представлял.

В прошлом году правительство Мексики подарило французскому народу больших размеров настенное полотно, которое украшает теперь станцию "Лувр" парижского метрополитена. Жак Ширак решил сделать ответный

жест и отблагодарить мексиканцев. Перст судьбы указал на него, когда не помышлявшего об этом Родольфо Моралеса.

"У меня нет специального образования, я — самоучка, но живопись — мое призвание. Ко всему остальному душа никогда не лежала. Ничего другого делать не могу", — признался он.

Тем временем полицейские плотным кольцом обступили не в меру любознательного корреспондента ИТАР-ТАСС и его собеседника. Как позже объяснил ученик и помощник Моралеса, государство выделило специальную охрану художнику и его творению, чтобы ничто не помешало торжественному открытию картины, на которое прибудет в ноябре сам президент Франции.

Пятидесятилетнего мастера из Оахаки впервые приметил в 1975 году известный мексиканский художник Руфино Тамайо. Пораженный картинами провинциального живописца, он убедил Моралеса оставить педагогическую деятельность и всецело посвятить себя своему призванию. "Да что педагогика? — вспоминает художник. — Ученики меня научили большому, нежели я им дал".

"Нет, я никогда не гонялся за успехом. Слишком поздно он ко мне пришел. Но теперь, оказывается, это имеет для меня значение", — сказал Родольфо. Между

тем кисть продолжала выводить не всегда понятные линии. "Ведь я создал фонд, — продолжал он, — который занимается реставрацией памятников и проблемами экологии. В его штате — 150 сотрудников, которым надо платить. Вот почему заказ пришелся как нельзя кстати. Кроме того, мне доставляет удовольствие зарабатывать деньги и вкладывать их в это дело".

Узнав, что собеседник из России, художник рассказал, что в конце восьмидесятых объехал весь Союз. Очень понравились русские люди. "Проезжаешь небольшие города и видишь подлинную жизнь. Не то что в Америке. Там — все фальшь. Будто и не города, а макеты. Нет жизни, нет людей". Познавший в детстве тяготы нищеты и увидевший немало людского горя, Моралес с грустью размышлял о постигших Советский Союз потрясениях. Он ведь искренне верил, что другого пути, кроме социализма, у человечества нет.

...Пока текла беседа, рядом с Триумфальной аркой незаметно "выстроилось" и здание парижской Сорбонны. А где-то неподалеку все так же стояли "телохранители", готовые в любую минуту вступить за мастера.

Игорь ПОКУТНИЙ
Мехико